

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Почему пятнадцатилетний мальчик начинает писать стихи? –
А другой мальчик – смотреть на звезды? – А третий – мечтает о море? –
У меня нет ответа.

Николай Минаев – тот первый мальчик, что родился в мае 1895 года,
обучался классическому балету и начал сочинять стихи в 15 лет.
Время, в которое он писал, мы теперь называем Серебряным веком
русской поэзии. И Николай Минаев из тех, кто и является поэтом
Серебряного века. Большим, настоящим поэтом. Когда мы смотрим на
звездное небо в разное время – одни звёзды становятся ярче, другие –
тускнеют, и если мы смотрим в телескоп – мы видим мириады ярчайших
звёзд, грозди созвездий. И это не они были маленькими – это мы были
далеко от них.

Созвездие, в которое входил Николай Минаев – это поэты, влюблённые в
культуру, в Слово – те, кто объединялись вокруг наследия Аннинского,
издательства «Узел», «Литературного Особняка», продолжали
поэтические традиции 19 века - Альвинг, Минаев, Усов, Ширман,
Кочетков, Кугушева, Укше, Фроман, Тарловский... Список можно
множить, вокруг каждого из этих поэтов существовало множество
пишущих людей, чьи имена всё ещё в тумане забвения — иногда
заслуженно, чаще – просто не повезло.

Минаеву долго не везло, хотя владение мастерством, солнечность его
лучших стихотворений, глубина и совершенство поэтики зрелых
произведений достойны любых хрестоматий, но...

Но – начало расцвета дара – двадцатые годы, поэтому первый и
единственный сборник из 30! – всего! – стихотворений – «Прохлада»
вышел в 26 году и практически прошёл незамеченным.

Вслушайтесь в стихотворение из этого сборника –

*За шумом дней – сухая тишина,
За бредом сердца – тела отдых львиный...*

*Ошеломлённым грузною лавиной
Иная боль уже предрешена.*

*Мне говорят – благоуханен хмель.
Я говорю: – он жжёт, не освежая;*

*Волна неистовая и чужая
С разбегу слижет розовую мель.*

Глотают пену ржавые бока,

*Порывистый рвет ветер реи, вая,
И луч беды час от часу острее
Пронзает тех, чья жажда глубока.
По капле в кровь сочится мутный яд,
И взгляд змеи приковывает разом,
Но наяву тем снам не верит разум,
Которые пророчества таят...*

Чем приковывает читателя его муза? – Почему его стихи так интересно читать? – они живые, в них столько света и любви к жизни, при совершенстве формы и лёгкости звучания... Танцор в юности, он на всю жизнь остался поклонником музыки – везде и всегда. Я не буду рассказывать его биографию, в которой было три ареста, лагерь, много горя, потерь, и очень мало счастья, признания его таланта. – это замечательно сделал Александр Соболев в монументальном рассказе-послесловии к книге Николая Минаева «Нежнее Неба», вышедшей в издательстве Водолей в 2014 году. А пока – вот ещё одно его стихотворение.

*Рдеет куст бузины, золотится на солнце пчела,
Под небесною синью твоя зеленеет могила,
А когда-то со мною дорогою жизни ты шла,
Это было давно, но я помню, когда это было.*

*Пусть могила твоя не одета в порфир и гранит,
Пусть она не в цветах и не в лентах с венками из жести, -
Благодарная память моя бережливо хранит
Те счастливые дни, что друг с другом мы прожили вместе.*

*Мне приходит пора за тобою отправиться вслед,
Ибо к отдыху тело, а сердце к покою стремится,
Но пока я дышу твой во мраке мерцающий свет
Для меня ни на миг никогда и ничем не затмится.*

*Пусть тоска по тебе переплавилась в светлую грусть,
Пусть люблю я другую, но сердце тебя не забыло,
Пусть, что было прошло, но что было то было и пусть
Это было давно, но я помню, когда это было...*

1951 год

Николай Минаев

***

Истомной лени я
Не одолею,
В тупом томлении
Мечту лелею.

Душа взволнована,
Ей сон неведом,
Уже давно она
Пленилась бредом.

Томишься в зале ты
Ненужной верой,
И чувства залиты
Тоскою серой.

Ах, если можно мы,
Готовя встречу,
С пустыми ножнами
Пройдем сквозь сечу.

И алый прах от ног
Стряхнем легко мы,

В просторах бархатных
К любви влекомы.
1920 г. 26 августа. Четверг.
Москва.

***

От влажных стрóf ямбического склада,
Пленительна, спокойна и легка,
Плыви благоуханная прохлада
В дыханьи ласкового ветерка.

И перед тем как в сумраке разлиться
Между цветов, колосьев и ветвей,
Ты опаленные сердца и лица
Волнующею свежестью обвей.
1921

***

Я не гадаю робко и тревожно
Какую дань судьба мне принесет,
И самому свой путь провидеть можно
От злых глубин до радостных высот.

В грядущем предусматриваю встречу,
А нынче острием карандаша
Еще непонимающим ответу: -
Нежнее неба – нежная душа!..
1921

***

За шумом дней – сухая тишина,
За бредом сердца – тела отдых львиный...
Ошеломленным грузною лавиной
Иная боль уже предрешена.
Мне говорят: – благоуханен хмель,
Я говорю: – он жжет, не освежая;
Волна неистовая и чужая
С разбега слижет розовую мель.
Глощают пену ржавые бока,

Порывистый рвет реи ветер, рея,
И луч беды час от часу острее
Пронзает тех, чья жажда глубока.
По капле в кровь сочится мутный яд,
И взгляд змеи приковывает разом;
Но наяву тем снам не верит разум,
Которые пророчества таят...

1921

***

Надувается парус, шумит за кормою вода,
Ветер хлещет в лицо серебром просолившейся пыли;
То же самое было, я помню, в то время, когда
За руном золотым мы в Колхиду чудесную плыли.

Днем нас мучило солнце и был горизонт сиротлив,
Мы четырнадцать суток томились в безвыходном круге,
И тревожила мысль, что в тени фессалийских олив
Позабыли о нас полногрудые наши подруги.

А безлунною ночью под пологом бархатной тьмы,
В расслабляющем сне до кормы распростершись от носа,
Все мы бредили, ибо еще не увидели мы
Олеандровых рощ и воинственных женщин Лемноса.

1922 г. 13 декабря. Среда.

Москва.

***

Я не раз умирал от болезней, от пыток, от жажды,
И кляня, и приветствуя свой преждевременный час;
Здесь, на милой земле, я дышал и любил не однажды
И сюда расцветать возвращусь не один еще раз.
Помню давнюю ночь: как сегодня, мерцая белесо,
По зениту текло молоко из упругих сосцов,
И мы так же летели к могучей руке Геркулеса,
За собой оставляя стремившихся к нам Близнецов.
Но тогда Антарес не пылал на клешне Скорпиона,
Альтаир не сиял бриллиантовым глазом Орла,
И пугливых Плеяд не преследовал Пес Ориона,

И не эта Полярная нашей полярной была.
И когда-нибудь снова взглянув в незабвенное небо, —
В те минуты, когда мне никто не сумеет помочь, —
В Лебедином крыле я — увы! — не увижу Денеба
И вздохну, вспоминая вот эту осеннюю ночь...
1922

***

Ревнивое сердце досаду таит,
Недаром сегодня так пальцы хрустели,
И я драгоценным дождем персеид
В тревожную полночь был поднят с постели.

Томил гиацинтовый запах платка
И веяло в шумном дыхании сада: —
Земная любовь несказанно сладка,
Но слишком тягуча земная досада...

Настойчивый ветер сомненья рассей,
Размеренней, душевные мысли, звените;
К нам хрупкие звезды бросает Персей
И воздух секут золотистые нити.

О если б твой образ мгновенно потух,
И я на Земле обреченный бескрылью
Мог вдоволь насытить пылающий дух,
Блуждая в пространстве космической пылью!..
1922

Антиной

Вполоборота от соседки,
Под африканскую луной,
На пьедестале у беседки
Стоит красавец Антиной.

И знаменитая Венера
Напрасно силится увлечь

В любви революционера
Безукоризненностью плеч.

Нет, не она его пленила,
Стройна, прекрасна и бела,
Он вспоминает воды Нила
И смуглых юношей тела.

Пусть должен он в аллее сада
Дышать с ней воздухом одним,
Ему не радость, а досада
Ее заигрыванья с ним.

Пусть у нее пылают ушки,
Пускай ей страсть вздымает грудь,
Томленье этой потаскушки
Его не трогает ничуть.

Ужель она не понимает,
Что не ее любовный ток,
А ветерок приподнимает
Многозначительный листок?

<1923 г. 12 июня. Вторник.

Москва>

***
Вчера от скуки мне растягивало рот
Пока свои стихи читал один из «нео»;
Зачем я должен жить близ Яузских ворот,
А не под сенью пальм на острове Борнео?!

Там до сих пор стихов не пишут дикари,
Не оглашают их с напыщенностью жалкой,

Там правило одно: словами не кори,
А бей по голове бамбуковой палкой.

В воскресный день с утра ты не услышишь там
Тупой гармоник и хилой мандолины,

Там ярой музыкой ревет гиппопотам,
Кричат пронзительно фламинго и павлины.

Там женщину любить не помешает муж
И просто овладеть туземкою и белой:
Подстереги ее, легонько оглаушь,
Тащи к себе и с ней все, что захочешь делай.

А надоест она иль станет докучать,
Гони ее скорей без всяких объяснений,
И будь уверен, что ни суд и ни печать
Не выскажут тебе своих особых мнений.

Там непосредственность не стыд и не изъян,
Там трезвый взгляд на жизнь не искажает призма,
И при желании у прытких обезьян
Возможно наблюдать зачатки коммунизма.

*1923 г. 7 сентября. Пятница.
Москва.*

***

Не на финиковой ветке,
Не в тропическом саду,
А на жердочке и в клетке
Дремлет бедный какаду.

«Славен наш Господь в Сионе»
Не поет его душа,
Ведь на полном пансионе
Жизнь не очень хороша.

Что же я себя пугаю,
Кое-как еще скользя,
Если даже попугаю
Позавидовать нельзя?..

<31 августа 1956. Пятница. Москва>

***

Мы все в этой жизни к чему-нибудь слабы:
Кто любит поесть, кто доносы кропать,

А ты любишь спать; сколько ты ни спала бы,
Тебе все равно вечно хочется спать.

На днях у тебя институтский экзамен,
Теперь бы учить за билетом билет,
А ты только спишь как ребеночек мамин,
Иль как старушня – в девятнадцать-то лет!

Такой никудышной, такой залежалой
И то не под силу, и это не в мочь;
Коль выйдешь ты замуж, так муж твой, пожалуй,
Прогонит тебя на вторую же ночь.

Тебе бы трапецию, кольца и брусья,
Тебе бы плясать кэк-уок и матчиш,
А ты спишь да спишь и, ей Богу, боюсь я,
Что ты и приход коммунизма проспичь.

30 июня 1958. Понедельник.